

DOI 10.15826/qr.2016.4.194

УДК 811.161.1'37+811.161.1'367+316.66

**СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ
СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
И САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Борис Норман

Белорусский государственный университет,
Минск, Белоруссия;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Анна Плотникова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**SEMANTICS OF SOCIAL SELF-IDENTIFICATION
AND SELF-PRESENTATION IN RUSSIAN
LANGUAGE STRUCTURES****

Boris Norman

Belarusian State University,
Minsk, Belarus;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Anna Plotnikova

Ural Federal University;
Yekaterinburg, Russia

Referring to Russian language materials, the authors discuss the linguistic aspects behind the construction of a social portrait of the speaker. The article provides a general overview of the speech forms and genres which prompt the

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

** *Citation:* Norman, B., Plotnikova, A. (2016). Semantics of Social Self-Identification and Self-Presentation in Russian Language Structures. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 107–120. DOI 10.15826/qr.2016.4.194.

Цитирование: Norman B., Plotnikova A. Semantics of Social Self-Identification and Self-Presentation in Russian Language Structures // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 107–120. DOI 10.15826/qr.2016.4.194 / Норман Б., Плотникова А. Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 107–120. DOI 10.15826/qr.2016.4.194.

speakers to construct their self-image by identifying their profession, age, and social status. The analysis thus focuses on syntactic structures with the meaning of taxonomic or evaluative characterisation which fit the model 'Я – N' ('I am N'), where N is a noun or a personal pronoun. The relevant linguistic units found in the utterances in question were selected on the basis of data provided by ideographic dictionaries. Special attention is paid to pragmatic limitations in the usage of certain structures such as *Я чиновник, Я гений, Я интеллигент, Я поэт* ('I am a public official', 'I am a man of genius', 'I am an intellectual', 'I am a poet'). The function of the predicate in the given model is performed not only by words denoting positive characteristics but also by words referring to negative characteristics used for self-criticism, self-deprecation, self-disclosure, or for other pragmatic purposes. Each of the six models of social self-identification and self-presentation described in this article is connected to the strategies of speech behaviour targeted at creating the speaker's self-portrait through various speech masks and metaphorical and other figurative images. The article also systematises idiomatic means used to express the speaker's social identity such as paroemiae or syntactic idiomatic units. Special emphasis is placed on the structures in which self-identification is used to create a speech mask or construct a figurative image. Another interesting linguistic aspect analysed in this article is the usage of metaphoric expressions and utterances with an oppositional presentation of the speaker's social status, which enable them to create unique characteristics of their identity. The authors maintain that self-presentation (meaning that the speaker addresses his or her utterance to other people) should be distinguished from self-identification, which implies that the speaker would like to communicate personally significant information about themselves, expressing their inner views and attitudes.

Keywords: semantics; pragmatics; evaluation; syntactic structures; identity; speaker's social status.

На материале русского языка рассматриваются языковые аспекты создания социального автопортрета говорящего. Дается обзор тех речевых форм и жанров, которые вынуждают говорящего к конструированию собственного «я» через характеристику профессиональной, возрастной, статусной принадлежности. Анализируются синтаксические конструкции с семантикой таксономической или оценочной характеристики, построенные по модели «Я – N», где N – существительное или местоимение-существительное. С опорой на данные идеографических словарей обобщены те единицы, которые могут использоваться в исследуемых высказываниях. Особое внимание уделяется прагматическим ограничениям на использование некоторых конструкций, например, таких как «Я чиновник», «Я гений», «Я интеллигент», «Я поэт». В качестве предикатов исследуемой модели могут выступать не только наименования положительно оцениваемых свойств, но и отрицательные характеристики, используемые для самоумаления, самоуничижения, саморазоблачения говорящего и с другими прагматическими целями. Каждая из рассмотренных в статье шести моделей социальной самоидентификации и самопрезентации связана со

стратегиями речевого поведения, при которых автопортрет создается через различные речевые маски, метафорические и другие иносказательные образы собственного «я». Систематизируются некоторые идиоматические способы выражения социальной идентичности, закрепленные в паремиях или реализованные в ряде синтаксических фразеологизмов. Особое внимание уделяется таким конструкциям, в которых самоидентификация используется для создания речевой маски, конструирования особого художественного образа. Анализируются метафорические выражения, а также высказывания с оппозитивным представлением социального статуса, позволяющие создать уникальные характеристики собственной идентичности. Авторы разграничивают понятия самопрезентации и самоидентификации, предполагая, что в первом случае говорящий адресует высказывание о себе другим лицам, а во втором имеется в виду сообщение о себе лично значимой информации, отображение личного самосознания, раскрытие внутреннего мира.

Ключевые слова: семантика; прагматика; оценка; синтаксические конструкции; идентичность; социальный статус говорящего.

Рефлексивные представления о себе и образ своего «я» возникают в сложном переплетении коллективного и индивидуального, реального и идеального, субъективного и объективного, формируя самосознание личности. Характеристики человеком самого себя многообразно воплощаются в коммуникации – от простых формул представления, с которых начинается изучение любого иностранного языка, до автобиографических текстов и воспоминаний, где история создается автором через ретроспективу своей жизни.

Тотальная интроспекция и эгоцентризм воплощены в языке в местоимении «я», предполагающем существование говорящего уже самим фактом речи без опоры на референцию и заключающем в своей семантике значение «высшей степени индивидуальности, которая может быть достигнута средствами языка» [Степанов, с. 165–166].

Человек склонен ставить себя в центр любого времени (*Это случилось, когда я еще не родилась; В то время я был ребенком*) и пространства (см. известные в теории семантики примеры, иллюстрирующие скрытую фигуру наблюдателя, который концентрирует вокруг себя все окружающее пространство: *Мимо мелькают деревья; На дороге показался всадник*).

Человек, произносящий «я», не только показывает точку отсчета, задает вектор восприятия мира (*Я вижу, я слышу, я чувствую вас* (А. Ахматова)), но и характеризует себя.

Это соображение афористично сформулировано Э. Бенвенистом: «"Я" обозначает того, кто говорит, и одновременно подразумевает высказывание о "я": говоря "я", нельзя не говорить о себе» [Бенвенист, с. 262]. Именно то, что местоимение «я» не ограничивается дейктической функцией, задает возможность рефлексии, когда местоимение

осмысляется как знак нескромности и даже хвастовства. В частности, свидетельства этому можно найти в небуквально понимаемой посылке «Я – последняя буква алфавита» или в более просторном метаязыковом рассуждении современной писательницы Гузели Яхиной в романе «Зулейха открывает глаза»: *Даже язык татарский устроен так, что можно всю жизнь прожить и ни разу не сказать «я»: в каком бы времени ни говорил о себе, глагол встает в нужную форму, изменит окончание, сделав излишним использование этого маленького тщеславного слова. В русском языке – не так, здесь каждый только и норовит вставить «я», да «мне», да снова «я»* (Г. Яхина).

И в диалоговом, и в нарративном режиме существует спектр речевых жанров, связанных с коммуникативной ситуацией самопрезентации. К самым простым относится этикетный жанр знакомства. Представляясь, человек называет имя и, возможно, фамилию, сопровождая их указанием профессии, должности, статуса. Личное местоимение «я» в ответе или эксплицируется, или содержится имплицитно, ср.: *Я доктор Малышев. (С поклоном и протягивая руку.) Иван Петрович.* В некоторых ситуациях говорящий считает возможным, не называя имя, охарактеризовать себя через побочный признак: *Я супруг этой красавицы; Я сын Марии Ивановны; Ваш покорный слуга; Ваш давний почитатель; Я ваш сосед сверху.*

Добавим к этой довольно широкой гамме лингвоспецифических способов бэйджи на груди у участников конференций, бэйджи с именами обслуживающего персонала в ресторанах, таблички с фамилиями на столах участников переговоров и т. п. (см. об этом: [Норман, с. 143–145]). Следовательно, самопрезентация может охватывать различные стороны личности – не только имя, но и статус, должность, профессию, возраст, национальную принадлежность, временно исполняемую роль. Один и тот же человек в разных жизненных ситуациях может выступать в различных функциях: быть сыном, мужем, отцом, начальником, футболистом, водителем автомобиля. Поэтому он может использовать сразу несколько характеристик для самопрезентации, что в результате образует семантические кластеры, в которых заключена оценка внешности, интеллекта, социального положения и т. д., например: *Женихом я считался по тамошним местам очень видным: молод, здоров, не урод, интеллигентен, стою на линии инженера, танцую вальс в три темпа, мазурку, краковяк и падеспань и дирижирую кадрилию на приличном французском языке* (А. Куприн).

Любопытной (и весьма специфической) разновидностью таких «самопрезентационных» кластеров являются автохарактеристики в популярных сегодня брачных объявлениях типа: *Мужчина, 38, 175, 90, с двумя высшими образованиями, без материальных проблем, ищет подругу жизни.* Самопрезентация в блогах, на страницах социальных сетей также свидетельствует о том, что потребность в самовыражении и речевая свобода дают возможность приписать себе любые качества и сконструировать новый образ.

В рамках данной статьи остановимся лишь на тех способах самопрезентации, которые связаны с характеристикой социального статуса, и применим формальный критерий для ограничения текстовых фрагментов, рассматривая только те из них, которые содержат форму «я» и по своим логико-синтаксическим особенностям являются предложениями таксономической либо оценочной характеристики.

Обращение к данным идеографических словарей, в первую очередь к Толковому идеографическому словарю русских существительных под редакцией Л. Г. Бабенко, позволяет выявить круг лексических единиц, способных называть статус лица [Большой толковый словарь русских существительных] (рис. 1). Сколь разнообразен и обширен этот класс слов, можно судить по тому множеству социальных отношений, в которые вступает человек, являющийся членом различных макро- и микроструктур общества. Естественно, что самоидентификация лица может осуществляться с опорой на его представления о месте в социальной иерархии, членстве в различных социальных общностях, выделяемых по профессиональным, экономическим, религиозным, культурным, образовательным, политическим и другим признакам. В то же время человек включает себя в микроструктуры – малые группы, представляющие собой небольшие объединения людей, находящихся в прямых взаимоотношениях – родственных, соседских, приятельских. Даже в рамках одного контекста эти разные роли могут либо совмещаться (*Не признаете вы мое родство, а я ваш брат, я человек* (Ю. Цейтлин)), либо противопоставляться (*Я не друг, не невеста и не жених, я Президент Российской Федерации* (В. Путин)).

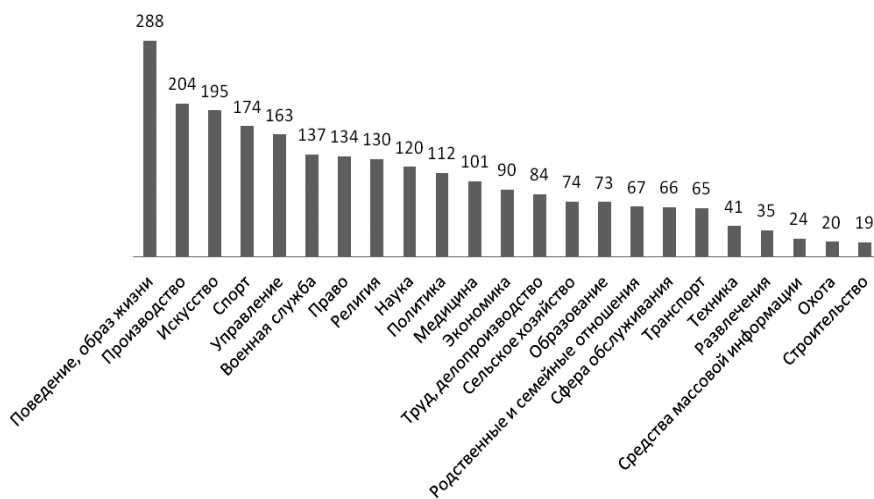

Рис. 1. Распределение имен лиц по семантическим сферам

Различия в количественном представлении семантических сфер в целом предсказуемы. Очевидно, что в силу разветвленности видов производственной деятельности, искусства и спорта эти сферы занимают лидирующие позиции по количеству номинаций лица. Вместе с тем преобладание номинаций лица по поведению и образу жизни над всеми другими профессиональными и статусными способами номинаций указывает на особую значимость раскрывающихся в поведении психологических свойств личности и отношений человека с другими людьми.

Ставя перед собой задачу «разработать критерии отбора лексики, используемой в описании идентичности носителями языка», М. А. Лаппо подробно рассматривает классы слов, приспособленные для характеристики этнической и возрастной идентичности, а также разграничивает самоидентификацию как отражение социальной идентичности и самохарактеристику как представление о личной идентичности [Лаппо]. Приводимые в монографии М. А. Лаппо многочисленные контексты, данные Национального корпуса русского языка, иные примеры из современной художественной литературы и разговорной речи, на первый взгляд, могут указывать на неограниченные возможности для самоидентификации и самохарактеристики лица.

Сосредоточившись только на бинарной конструкции «Я – N», где N – имя, характеризующее лицо по социальному статусу, сформулируем определенные закономерности, диктующие распределение конструкций со значением самоидентификации и самопрезентации по семантико-прагматическим и частным синтаксическим моделям.

N – слово, называющие социальный индекс (профессиональную, религиозную, политическую и др. принадлежность лица). Такие конструкции наиболее типичны для самопрезентации (*Я учитель русского языка*) и включают лексику всех семантических классов, характеризующих человека по роду деятельности.

Существуют прагматические ограничения на использование некоторых лексических единиц в таких конструкциях. Так, слово «чиновник», имеющее в современной коммуникации устойчивый негативный фон, обычно не употребляется для самоидентификации, так как обозначает некоего антигероя, действующего в ущерб интересам людей и затягивающего решение всех вопросов: *Чиновники почти никогда не называют себя чиновниками, предпочитая иные термины. Раньше достаточно распространенным было обозначение «ответственный работник». В наши дни они любят называть себя управленцами или менеджерами* (Н. Вересов).

В связи с этим стоит вспомнить о том аспекте статуса, который сформулирован И. Е. Кимом: «Имя статуса обозначает не реальный социальный объект, а его идеальную форму, иницирующую у других членов общества определенного рода ожидания по отношению к данной реалии. Так, статус лица *повар* формирует ожидание, что это лицо должно готовить пищу, в то время как индивид, которому при-

писан статус, может испытывать отвращение к кулинарии. <...> Язык представляет непосредственно протекающую социальную жизнь как воспроизводство, реализацию идеального мира, в котором все объекты, представляющие собой идеальные формы, уже существуют и описаны» [Ким, с. 197]. В этом идеальном мире предъясняются особые требования к поэту, писателю, художнику и вообще человеку творческих профессий, поэтому данные слова ограниченно применяются в формулах самоидентификации. В тех же случаях, когда такая конструкция возникает, она связана с особым торжественным, высоким восприятием себя, стратегией самопозиционирования: *Я поэт, этим и интересен* (Маяковский), *Я последний поэт деревни* (Н. Рубцов).

Н – имя, характеризующее человека по характеру, поведению, образу жизни, например: *Я позитивист, романтик, где-то жизнелюб* (С. Довлатов); *Да, я амбициозный человек и к тому, что успех уйдет, не готов абсолютно* (А. Учитель).

Присубъектный оценочный определитель, являясь обязательным компонентом семантической модели таких высказываний, как *Я человек прямолинейный*; *Я человек ответственный*, семантически связан с отображением положительных эмоциональных и этических свойств.

Используя выделенные И. Н. Борисовой стратегии самопредъявления в диалоге, можно говорить о том, что если в первой модели мы имеем дело со стратегией самоподачи, когда информация предназначена для другого, то во втором случае реализуется стратегия самораскрытия, при которой говорящий сообщает личностно актуализированную информацию, значимую для него самого [Борисова, с. 23].

Прагматические ограничения данной модели касаются этических запретов на использование определенных номинаций, например, интеллигентный человек вряд ли скажет о себе: *Я интеллигент*. Хотя в определенных текстовых жанрах (например, резюме) говорящий вполне может использовать набор таких характеристик, как *трудолюбивый, исполнительный, ответственный*, для формирования положительного имиджа в глазах работодателя.

В качестве предикатов такой модели могут выступать не только наименования положительно оцениваемых свойств, но и отрицательные характеристики, которые, казалось бы, должны быть маркерами иллюзивного самоубийства (*я мерзавец, подлец, негодяй*), однако способны использоваться с коммуникативной целью самоумаления, самоуничижения, например, как в письме Бориса Пастернака отцу, художнику Л. О. Пастернаку: *Милый папа, это письмо пишет ничтожество*.

Есть еще один круг употреблений отрицательных самохарактеристик, который связан с особым композиционно-речевым типом, – это когда в структуре повествования происходит взаимопроникновение субъектно-речевого плана персонажа и автора: *Только несгибаемо верный первый заместитель всех префектов не спускал переполненных любовью выпученных карих глазниц с монстра и дружелюбно кивал: добро пожаловать, мне и слов никаких не надо, вижу – это твое*

место, сынок. Наконец-то! – ничего, освоишься, поможем, впряжемся всем миром, навалимся, вот я, опытный подлиза-старик... (А. Терехов). В приведенном контексте, где слово «подлиза» возникает во внутренней речи рассказчика, а не персонажа, обнаруживается соединение несобственно-прямой речи с авторским нарративом. Такая множественность «наблюдательных пунктов», когда внутренний мир персонажа показан через внешние проявления, оцениваемые рассказчиком, создает особую форму мнимого саморазоблачения.

Иную композиционно-речевую модель, связанную с меной «я – другой», образует начало повести А. П. Чехова «Скучная история»¹. Повествование в ней начинается как будто бы от третьего лица (*Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его иконостасом*), которое затем превращается в первое (*Все это и многое, что еще можно было бы сказать, составляет то, что называется моим именем. Это мое имя популярно. В России оно известно каждому грамотному человеку, а за границею оно упоминается с кафедр с прибавкою «известный» и «почтенный»*). Начиная с положительной самопрезентации и называя себя *честным малым*, рассказчик по ходу изложения истории переходит к саморазоблачениям. Анализ такого типа повествования, когда рассказчик смотрит на себя как на другое лицо и когда происходит смещение точек зрения, представлен в ряде современных исследований [Кожевникова; Падучева]. Связанное с трансформациями лица в художественном тексте понятие «ненадежный рассказчик» применяется литературоведами для обозначения ситуации, когда задача выявления истинного смысла происходящего возложена на читателя, а рассказчик сообщает о себе ложную информацию. В связи с этим возникает и другая проблема, которая не поддается лингвистической формализации: самоидентификация лица может быть и ложной, при которой говорящий имитирует принадлежность к социальной группе и, высказываясь о себе, не делает никаких истинных признаний. Например, в фильме «Полосатый рейс» по сценарию В. Конецкого герой Евгения Леонова, будучи на самом деле поваром, представляется укротителем тигров и начинает лекцию со слов: *Товарищи, я, конечно, не лектор. Укротитель я.*

N, а не X (скорее N, чем X), где X – имя, в котором заключены ожидания адресата, а N – имя, используемое говорящим для самореконструкции. В таких конструкциях происходит противопоставление двух социальных индексов. Например, космонавт Г. Гречко, отвечая на вопрос журналиста, произносит: *...Для меня подобные рекорды не имеют особого значения, я все-таки немножко ученый. В 1978 году мы установили в общей сложности 16 мировых рекордов, один из них – по длительности полета, я хорошо запомнил, а остальные 15 так и не*

¹ А. П. Чехов в письмах формулировал тему этой повести как «Мое имя и я».

посмотрел. Я ученый, а не спортсмен. Показательно, что сначала говорящий минимизирует свой статус (*все-таки немножко ученый*), а в заключение формулирует его определенно, противопоставляя другой социальной роли.

Разновидностью данной модели является конструкция «Я не X», которая может использоваться с целью объяснения своего незнания, неумения, нежелания чем-либо заниматься (например, *я не политик, а ученый*) либо применяться для самоумаления говорящего: *Товарищи, я не докладчик, потому что я не ученый, у меня нет научных трудов по педагогике* (А. Макаренко); *Ему [Д. С. Лихачеву] не нравилось чрезмерное подчеркивание его учительства. «Я не Рабиндранат Тагор!» – сказал он однажды сердито* (Е. Водолазкин).

Неприятие похвал в свой адрес, отведение комплимента также может приводить к подобного рода конструкциям (например, *Я скорее читатель, чем писатель*). Их прагматический смысл иногда предполагает самоиронию говорящего: *Мне всегда хочется быть газелью, хотя на самом деле полагаю, что я скорее худая корова. <...> В действительности я – самая настоящая рабочая кляча* (Э. Савкина).

К этой же модели примыкают псевдovoпросы, образуемые при помощи синтаксических фразеологизмов, образованных по таким схемам, как «Я что, N?», «Разве я N?», «Какой я N?», например: *«Что за мной смотришь? – пожала плечом Снежана. – Что я, ребенок?»* (В. Токарева); *«Какой я ученый?» – говорил он [Циолковский]* (Л. Чижевский). Во фразеосхеме «Я что, N?» позицию N способно заполнять прецедентное имя: конструкция *Я что, Пушкин?* используется как имплицитная форма того, что говорящий не обязан знать всего.

N – имя, называющее маску, образ, который используется для того, чтобы представить себя в виде кого-то, идентифицировать себя с кем-то. Несмотря на то, что интенциональная направленность таких конструкций чрезвычайно широка, можно наметить некоторые координаты в этом безбрежном море высказываний, в которых говорящий примеряет на себя чужую маску.

Во-первых, в качестве предиката способно использоваться прецедентное имя, неустойчивое равновесие между означаемым и означаемым которого приводит к появлению системных коннотативных значений. Например, герой стихотворения В. Маяковского сравнивает себя с Наполеоном – символом смелого и честолюбивого полководца, разгромившего врага: *Идите, сумасшедшие, из России, Польши. / Сегодня я – Наполеон! / Я полководец и больше. / Сравните: / я и – он!* (В. Маяковский). Не случайно здесь обращение «сумасшедшие», поскольку имя «Наполеон» отсылает одновременно к военным победам и к ставшей прецедентной ситуации, когда психически больной человек представляется Наполеоном. В ситуации симуляции психического расстройства герой романа И. Ильфа и Е. Петрова произносит: *– Я вице-король Индии! – отрапортовал он, краснея. – Отдайте мне любимого слона.* Персонажи сумасшедшего дома также идентифициру-

ют себя с причудливо выбранными образами: *Иногда, впрочем, в его взбаламученной голове соскакивал какой-то рычажок, и он, путая, кричал: «Я Генрих Юлий Циммерман!»; «– Уйдите! Я голая! – зарычал третий. – Не смотрите на меня! Мне стыдно! Я голая женщина!» Между тем он был одет и был мужчиной с усами* (И. Ильф и Е. Петров).

Отождествление себя с известными личностями может преследовать самые разнообразные художественные цели. Например, А. Вознесенский в стихотворении «Я – Гойя», изображая ужасы войны, идентифицирует себя с испанским художником Гойей, а также с созвучными ему художественными образами: *Я – Гойя! / Глазницы воронок мне выклевал враг, слетая на поле нагое. / Я – горе. / Я – голос / Войны, городов головни на снегу сорок первого года. / Я – голод. / Я – горло / Повешенной бабы, чье тело, как колокол, било над площадью голой...*

Аналогичный модус эстетического освоения мира и способ саморефлексии обнаруживаем в стихотворении *Я Мэрилин, Мэрилин. / Я героиня / самоубийства и героина*. Поиски эстетических идеалов в прошлом определяют идентификацию лирического героя А. Вознесенского через аналогию с местом ссылки А. Пушкина: *Я сослан в себя, я – Михайловское. / Грягт мои сосны, смыкаются...*

Возникшие в современной коммуникации выражения *Я Шарли Эбдо* или *Я СУ-24* отсылают к известным политическим событиям (убийству сотрудников редакции сатирического журнала в Париже и сбитому российскому самолету) и представляют собой формулу выражения солидарности через отождествление. Не случайна поэтому и возникшая в интернет-коммуникации на базе этих выражений формула растождествления: *Я не Шарли, я Су-24. <...> Я самолет с душой человека* (С. Ефимов); *Я не Шарли, я Ваня из Донбасса*.

Во-вторых, в качестве предиката может выступать животное, птица, растение, причем зооморфный или фитоморфный образ опирается на коннотативный потенциал имени. Источники таких примеров по своей стилистической принадлежности разнородны – от школьного сочинения по биологии (*Привет! Я пчелка, самое трудолюбивое насекомое*) до художественных текстов с их сложной символикой (*Я чайка* (А. Чехов); *А я хочу тянуться в небо. Не потому что я лучше других деревьев, нет. А просто я другое дерево. Я такое дерево* (Г. Поженян)). К этому же типу примыкают конструкции, в которых для создания автопортрета говорящий использует олицетворяемые предметные, соматические образы, например, С. Алексеевич в Нобелевской лекции в декабре 2015 г. говорит: *Флобер говорил о себе, что он человек-перо, я могу сказать о себе, что я человек-ухо. Когда я иду по улице, и ко мне прорываются какие-то слова, фразы, восклицания, всегда думаю: сколько же романов бесследно исчезают во времени...*

В-третьих, писатель или режиссер, рассказывая о прототипах своих героев, может указать на себя как на источник каких-либо черт того или иного образа, даже если такая аналогия по меньшей мере необычна, как признание Г. Флобера *Мадам Бовари – это я* или ут-

верждение современного режиссера А. Меликян, которая, отвечая на вопрос о том, на кого из героев своего фильма она похожа, произносит: *Я – все. И даже, не поверите, мальчик Костя – тоже я.*

Н – я. Высказывание, в котором осуществляется автореференция и которое основано на повторе элементов. «Я – это я» имеет целью заявить о собственной индивидуальности. Несмотря на кажущуюся бессмысленность этой формулы, контексты из художественных текстов актуализируют скорее не иконическое означивание самого себя, а выражение идеи автономности личности, например: *Моя мысль имеет большую ценность, чем ваша, не потому, что я умнее, а потому, что я – это я* (Л. Юзефович); *...Старательное перечисление мельчайших событий прошлого заслонит, поставит под сомнение то, что было исходной посылкой всей этой затеи: уверенность в том, что я – это я, нечто единое и в основе своей неизменное* (Б. Хазанов). Отрицание такой конструкции возможно лишь в структуре пословиц, реализующих значение отстраненности, невмешательства: *Я – не я, и лошадь не моя; Я – не я, и хата не моя.*

Казалось бы, еще более абсурдной с точки зрения формального синтаксиса может быть конструкция «я – это ты». Однако и такой прагматический вектор, при котором любящие люди видят в себе отражение другого, возможен: *Я – это ты, ты – это я, / и никого не надо нам* (М. Насыров). Как показывает поиск контекстов, возможна еще более странная конструкция, при которой отрицается всякое тождество лица самому себе: *Я – не я, ты – не ты. / Не буди во мне зверя* (песня группы «Стрелки»). Все подобные конструкции основаны на попытке перевернуть законы логики и соорудить силлогизмы, смысл которых оказывается не всегда художественно оправданным. Но в основе их все же лежат рассмотренные выше основные логико-семантические и прагматические модели самопрезентации.

Н – это ряд антонимически противопоставленных однородных членов. Классическим примером такой антонимии является ода Г. Державина «Бог», отражающая философское осмысление роли человека, совмещающего в себе разные ипостаси человеческого и Божественного, ничтожность и величие: *Я связь миров, повсюду сущих, / Я крайня степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна божества; / Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь – я раб – я червь – я Бог!*

Большое количество примеров оппозитивного противопоставления социального статуса рассматривается в посвященной корпусному анализу английских антонимов и расширительно интерпретирующей антонимию монографии С. Джонса, например: «Sometimes I feel more masculine than feminine and I don't like it» [Jones, p. 76]. Коррелирует с приведенным английским примером русская пословица *Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик*, реализующая значение: 'Прост. Шутл. Ирон. О женщине, вынужденной исполнять все мужские работы и вести домашнее хозяйство' [Мокиенко, Никитина].

По существу, данные примеры можно трактовать в рамках художественного приема *катахрезы*, то есть соположения слов, находящихся «в отношении онтологической несовместимости. Такие слова не являются антонимами, они выражают понятия, референты которых не соотносятся в реальной действительности (лежат в разных “онтологических плоскостях”» [Сковородников, с. 71].

Возможность идентифицировать себя с противоположными сущностями в разговорной речи связана с намерением уникального конструирования собственной идентичности, стремлением выделиться. Рассмотрим пример, приводимый Н. В. Павлович:

– Ты смешно про себя сказал: *удачливый неудачник*. Боюсь, что я полная противоположность.

– В каком смысле?

– В прямом. *Неудачливый удачник* [Павлович, с. 246].

С антонимическими оппозициями связана и ситуация трансформации идентичности, магического превращения, которое можно проиллюстрировать известной детской песней Чебурашки: *Я был когда-то странной игрушкой безымянной, / к которой в магазине никто не подойдет. / Теперь я Чебурашка...* (Э. Успенский). В связи с приведенным примером следует отметить, что в детской литературе система референтных сфер, от имени которых ведется повествование, практически ничем не ограничена. Любой предмет может выступать в роли говорящего лица, выполняющего набор социальных функций, например: *Я Великий Умывальник, Знаменитый Мойдодыр, / умывальников начальник и мочалок Командир* (К. Чуковский).

В социальной самоидентификации есть еще один аспект, связанный с распределением гендерных ролей. Колебания говорящего в выборе формы мужского рода либо соотносительной с ней формы женского рода показывают трудность социальной самоидентификации женщины в мире, в котором язык отображает традиционное доминирование мужского начала. Вспомним в связи с этим диалог героев кинофильма Э. Рязанова «Служебный роман»:

– *Перестаньте сейчас же! Перестаньте сейчас же командовать!*

– *Я пока что еще здесь директор! Я пока что еще хозяин!.. Хозяйка!..*

– *Хозяин...*

– *Ну, ну, ну все равно, как угодно!*

Самопрезентация по природе своей связана с моментом речи (*Я врач*), что отчасти сближает такие высказывания с перформативными и делает их направленными на другого – адресата речи. Сдвиг в иную временную плоскость меняет семантическую природу таких высказываний, привнося в них квалифицирующий, а не идентификационный смысл. Появление связочного глагола прошедшего или будущего времени в бинарных конструкциях ведет к возникновению рационально осмысляемого «я», не тождественного «я» настоящему. Поэтому если в настоящем времени возможны любые автохарактеристики личности, то в прошедшем времени некоторые либо вооб-

ще невозможны, либо кажутся странными (*Я был Ивановым; Я был тряпкой*).

Отождествляя себя с имеющимися объектами или приписывая себе определенные социальные характеристики, говорящий адресует высказывание о себе другим лицам, в этом случае речь идет о самопрезентации лица. Несмотря на большое функциональное разнообразие имен, участвующих в самопрезентации, именно в этой сфере все-таки действуют некие этические, физиологические, интеллектуальные запреты на применение некоторых форм, например, сообщая о себе другим, говорящий ограниченно использует имена лиц, указывающие на физиологическую, интеллектуальную, социальную неполноценность (*Я психопат; Я умственно отсталый; Я мародер*).

В формулах самоидентификации, когда сообщаемая информация использована для автохарактеристики, отображения личного самосознания, объективированного представления о себе самом, возможен более широкий репертуар средств выражения социальной рефлексии, вплоть до таких, какие использованы в известном монологе Сатина из пьесы М. Горького «На дне»: *Что такое человек? Это не ты, не я, не они... нет! это я, они, старик, Наполеон, Магомет в одном! <...> Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я арестант, убийца, шулер... ну да!*

Фокус эмпатии в высказываниях со значением самоидентификации оказывается на самом говорящем, так как в них устанавливается референция к самому себе – автореференция. Однако они все же рассчитаны на воспринимающего, поэтому имеют очевидный вектор направленности на «не я».

Список литературы

Бенвенист Э. Общая лингвистика / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2002. 448 с.

Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание : Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс, 2005. 864 с.

Борисова И. Н. Речевая самопрезентация в диалоге: текстовый и коммуникативно-прагматический аспекты // Речевые жанры современного общения : тез. докл. междунар. конф. «Одиннадцатые Шмелевские чтения» (23–25 февраля 2015 г.). М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2015. С. 22–25.

Ким И. Е. Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке // Сибир. филол. журн. 2011. № 1. С. 192–199.

Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1994. 335 с.

Лапто М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок : Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.;

Норман Б. Ю. Жизнь словоформы. М. : Флинта ; Наука, 2016. 216 с.

Павлович Н. В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика / отв. ред. В. П. Григорьев. М. : Наука, 1979. С. 238–247.

Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славян. культуры, 2010. 480 с.

- Сковородников А. П. О катахрезе // Русская речь. 2005. № 3. С. 68–74.
 Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения : (Семиологическая грамматика). М. : Наука, 1981. 360 с.
 Jones S. Antonymy : A corpus-based perspective. N. Y. : Routledge, 2004. 193 p.

References

- Benvenist, E. & Stepanov, Yu. S. (Ed.) (2002). *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. 2nd Ed. 448 p. Moscow, Editorial URSS.
- Babenko, L. G. (Ed.) (2005). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh : Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographical Description. Synonyms. Antonyms]. 864 p. Moscow, AST-Press.
- Borisova, I. N. (2015). *Rechevaya samoprezentatsiya v dialoge: tekstovyy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty* [Speech Self-presentation in Dialogue: Communicative and Pragmatic Aspects]. In *Rechevyye zhanry sovremennogo obshcheniya : tez. dokl. mezhd. konf. Odinnadtsatye Shmelevskie chteniya (23–25 fevralya 2015 g.)* (pp. 22–25). Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova.
- Jones, S. (2004). *Antonymy: A Corpus-based Perspective*. 193 p. N. Y., Routledge.
- Kim, I. E. (2011). *Tri sposoba modelirovaniya sotsial'nykh realiy v sovremennom russkom yazyke* [Three Approaches to Social Realities Modeling in Contemporary Russian]. In *Sibirsky filologichesky zhurnal, 1*, pp. 192–199.
- Kozhevnikova, N. A. (1994). *Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX–XX vv.* [Narrative Types in the Russian Literature of the 19th – 20th Centuries]. 335 p. Moscow, Institut russkogo yazyka RAN.
- Lappo, M. A. (2013). *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-identification: Semantics, Pragmatics, Language Resources]. 180 p. Novosibirsk, Izd-vo NGPU.
- Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok : Bolee 40 000 obraznykh vyrazheniy* [Great Dictionary of Russian Sayings. Over 40 000 Expressions]. 784 p. Moscow, OLMA Media Grupp.
- Norman, B. Yu. (2016). *Zhizn' slovoformy* [Life of the Word Form]. 216 p. Moscow, Flinta, Nauka.
- Paducheva, E. V. (2010). *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative* [Semantic Research. Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative]. 2nd Ed. 480 p. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Pavlovich, N. V. (1979). *Semantika oksymorona* [Semantics of the Oxymoron]. In Grigor'ev, V. P. (Ed.). *Lingvistika i poetika* (pp. 238–247). Moscow, Nauka.
- Сковородников, А. П. (2005). *О катахрезе* [On Catachresis]. In *Russkaya rech', 3*, pp. 68–74.
- Stepanov, Yu. S. (1981). *Imena, predikaty, predlozheniya : (Semilogicheskaya grammatika)* [Nouns, Predicates, Sentences (Semiological Grammar)]. 360 p. Moscow, Nauka.

The article was submitted on 17.05.2016